

В последнее время Северус Снейп пребывал в сквернейшем расположении духа — и каждый студент или профессор Хогвартса мог подтвердить это, заплатив за знание кровавой ценой. Если раньше снятие тридцати баллов за урок считалось пределом, то теперь на каждом занятии по зельеварению песочные часы любого факультета пустели едва ли не на сотню очков. Слизерин не стал исключением. Четыре огромных сосуда в Большом зале выглядели так, словно в них не осталось ни единого драгоценного камня; если бы другие деканы не изыскивали малейшие поводы, чтобы поощрить учеников, баллы наверняка ушли бы в глубокий минус.

Коллеги не раз пытались вразумить Северуса, но в ответ получали лишь порции отборного яда и презрительное хмыканье. Даже директор, единственный, кто не боялся деканской желчи, раз за разом уходил ни с чем, а его привычное зелье для здоровья зубов внезапно приобрело совершенно кошмарный вкус. Студенты Рэйвенкло резюмировали: «Хогвартс постигла катастрофа, причину которой не знает никто».

Северус игнорировал любые слухи. Только он знал истинную подоплеку своего состояния. С тех пор как во время летних каникул его крестник Драко показал ему и Люциусу Омут памяти, даже Мерлин не смог бы унять пожар, бушующий в его душе.

Всю жизнь он верил, что Поттеры — безмозглые горные тролли. Верил, что Дамблдор, хоть и размягчил мозги сладостями, всё же не окончательно выжил из ума. Верил, что Спаситель действительно живет как принц, и что путь, намеченный директором, — единственно верный.

Но те воспоминания превратили его жизнь в шутку. В абсолютный, законченный фарс.

Некогда великий и благородный Тёмный Лорд оказался настолько безумен, что резал собственную душу, как кусок хлеба. Старый шмель Дамблдор зашел в своем сумасшествии так далеко, что сделал собственную смерть разменной монетой в борьбе за победу. А «золотой мальчик» Гарри — Мерлин, этот недоносок Поттер! — сам был одним из крестражей Волдеморта.

Могла ли правда быть еще более ироничной? Он собирался положить жизнь на алтарь защиты этого щенка, а в итоге выяснилось, что даже если им удастся вырваться из лап Тёмного Лорда, мальчишка всё равно обречен погибнуть от рук своих же союзников.

«Дамблдор, как ты посмел?! Как ты посмел превратить ребенка Лили в жертвенного агнца ради своей победы?! Окровавленный, израненный магический мир — вот оно, твое "Всеобщее благо"? Ты действительно окончательно спятил от сахара?»

Оставшись в одиночестве в кабинете подземелий, Северус наложил дюжину заглушающих и антишпионских заклятий. В тусклом свете ламп его лицо казалось еще бледнее, а слова, срывавшиеся с губ, дрожали, точно их выдавливали под пыткой.

Он до сих пор помнил маленького, мягкого Гарри, который когда-то, будучи совсем крохой, вырывался из объятий Лили и тянулся к нему. Помнил это ощущение тепла и доверчивости,

помнил трепет, который вызывал в нем детский лепет, когда мальчик называл его «Северусом». И тот взгляд... он смотрел на него тогда с необъяснимой сложностью своими зелеными глазами, такими же, как у матери. Северус думал, что ему почудилось — у младенца не может быть такого взгляда, полного вины, благодарности и тревоги. Но теперь он знал точно: этот ребенок, как и Драко, вернулся из самого пекла войны, неся в себе истерзанную душу.

Драко при этом открытии проявил совершенно не свойственную Малфоям восторженность. Но сам Северус не находил слов, чтобы описать увиденное.

Несколько дней назад он нашел повод тайно понаблюдать за Гарри Поттером — тем самым «малышом-крохой». Мальчик, выглядевший гораздо младше и слабее сверстников, начинал работать с шести утра. Целый день под ругань и побои троих проклятых маглов — и всё это за пару мисок пустой похлебки. Весь день ребенок не произносил ни слова: ни оправданий, ни протестов. Его лицо напоминало застывшую маску.

Глядя на это и вспоминая слова Дамблдора о «жизни принца», Северус прикладывал все силы, чтобы не ворваться в кабинет директора и не наградить «старого шмеля» Авадой.

Глубокой ночью, когда он уже собирался уходить, Северус почувствовал мощный всплеск неконтролируемой магии в том углу дома, где ютился Поттер. Поколебавшись, он решил проверить, что происходит, и увидел, как бледный после очередного кошмара ребенок выскользнул из дома. Скрывшись от взора миссис Фигг, он сел в углу сада и долго, молча смотрел на звездное небо.

Северус не мог знать, о чем думал этот маленький болван, он видел лишь, как на детском лице боль сменялась горькой усмешкой, а затем — холодной решимостью. Выражение, которому не место на лице ребенка. Интуиция подсказывала: в каждом жесте мальчика сквозило черное отчаяние.

Это отчаяние заставило Северуса вспомнить себя в ночь смерти матери. Себя семь лет назад, когда он узнал о гибели Лили. Он с ужасом осознал, что эта вспыхнувшая решимость на лице мальчика — та же, что когда-то вела и его самого. Когда жизнь превращается в ритуал, который нужно довести до конца, и неважно, что будет в финале, жизнь или смерть. Смерть даже предпочтительнее.

Налив себе стакан бренди, Северус попытался убедить себя, что ночные видения — лишь игра теней и разыгравшееся воображение. Но образ мальчика, смотрящего в небо, не исчезал. Пустота и мертвая тишина в этих зеленых глазах... любой, кто увидел бы их, сказал бы, что это глаза самого Снейпа.

Он не знал, как преподнести это Драко. И стоит ли вообще. Тот был так счастлив узнать, что Гарри тоже вернулся. В глазах крестника горел свет надежды. Если Драко узнает, что Гарри, возможно, вообще не планирует для себя иного финала, кроме могилы, не сорвется ли он? Не помчится ли на Тисовую улицу, чтобы встряхнуть Поттера силой?

Но если промолчать, сможет ли он сам изменить мысли Гарри? Ведь он — последний, кто имеет право на убеждение, имея за душой точно такой же взгляд. Неужели он позволит крохе Лили просто пойти на смерть?

Проклятый Волдеморт, проклятый Дамблдор, проклятый Мерлин...

В тяжелом полузабытьи Северус вдруг осознал, что так и не отчитался директору о результатах наблюдения.

«О, бездна... Грязные носки Мерлина...»

— Дорогой Северус, не хочешь шоколадную лягушку? Новый вкус этого месяца, — на следующее утро во время завтрака Дамблдор снова навязывал свои сладости, не замечая, как дергаются лица коллег за преподавательским столом.

Сдержав желание проклясть старика на месте, Северус злорадно подумал, не потому ли Волдеморт ополчился на директора, что тот достал его своими конфетами.

— Дамблдор, если в твоём мозгу осталось хоть одно свободное от сахара место, ты должен понимать: не стоит навязывать другим свои извращенные вкусы, — даже не поднимая глаз, Северус знал, что его яд не произведет на старика никакого впечатления. Он повернулся к профессору Макгонагалл, у которой на лбу уже вздулась вена: — Минерва, у вас ведь сегодня уроки только после обеда? Будьте добры, позовите Поппи и зайдите в кабинет директора. Я буду ждать вас там.

Минерва удивилась: обычно Северуса затаскивали к директору силой. Серьезный, тяжелый тон коллеги заставил её заподозрить, что причина его недавнего безумства наконец-то прояснится. Кивнув, она невольно бросила взгляд на песочные часы факультетов, гадая, не начнут ли они наполняться после этого разговора. Из-за своих мыслей она не заметила скорбной решимости в глазах Северуса и того, как блеснули очки-половинки Дамблдора.

— Ну что же, мальчик мой. Минерва и Поппи здесь. Что ты хотел нам сказать? — Дамблдор отложил сладости. Интуиция подсказывала ему: разговор будет не из приятных.

Северус обвел взглядом присутствующих. «Спокойно. Контролируй эмоции», — твердил он себе, пока Окклюменция работала на пределе возможностей. Но стоило ему открыть рот, как голос выдал его с головой.

— Дамблдор, я всегда доверял тебе. Даже когда твои мозги превращались в сироп, я верил в твою рассудительность. Но сейчас я всерьез сомневаюсь, не была ли моя вера ошибкой. Ты лгал мне всё это время. Не смей отрицать. Сначала посмотрите это.

С этими словами Северус достал приготовленный Омут памяти и флакон с воспоминаниями о том дне, когда он наблюдал за Поттером.

Троица погрузилась в чашу. Портреты на стенах заметили, как зельевар, обычно напоминающий ходячую ледяную глыбу, в мгновение ока лишился сил. Он стоял, смертельно бледный, с нескрываемой болью в черных глазах.

Когда они выбрались из воспоминаний, Макгонагалл и Помфри едва успели обрести опору под ногами, как тут же обрушились на Дамблдора с такой яростью, что даже Снейп порадовался, что не стал целью этих разгневанных женщин.

— Альбус! Когда ты решил оставить малыша Гарри у этих маглов, я была против! Я говорила тебе, что наблюдала за ними целый день. Гнуснее людей я не встречала! Они не подходят для воспитания ребенка! И что ты ответил? «О, Гарри не должен вырасти гордецом из-за своей славы». Да я бы предпочла, чтобы он был самым заносчивым мальчишкой на свете, лишь бы не видеть эту живую куклу!

— Вставать в шесть утра, чтобы готовить завтрак этим ничтожествам?! Весь день в трудах, впроголодь! Посмотри на него, Альбус, он истощен! Любой ребенок его возраста вдвое крепче. Ему восемь лет, но в нем нет ни капли жизни! Я бы скорее поверила, что это узник Азкабана! Если бы не эти волосы и глаза, я бы в жизни не признала в нем сына Джеймса и Лили!

— Дамблдор! Ты знаешь, что для нас, волшебников, дети — это святое! Хогвартс был построен ради них! А что сделал ты?! Отдал магического ребенка в семью маглоненавистников? Заставил его жить хуже домового эльфа? Мне не нужны диагностические чары, чтобы понять, насколько он болен! Род Поттеров — древнейшая династия, а ты позволил единственному наследнику так гнить целых семь лет!

— Как ты посмел забыть о своем долге директора?! Обречь сироту на такое и врать нам, что он живет как принц! Его родители, его дед и бабушка — все они отдали жизни за твой Орден Феникса! Альбус Персиваль Вулфрик Брайан Дамблдор, официально уведомляю: в ближайший год ты не получишь ни капли зелья для здоровья зубов. Полгода я не позволю тебе съесть ни единой конфеты! Северус, немедленно идем со мной. Забираем Гарри. Плевать на этого старого сумасшедшего, я осмотрю ребенка сегодня же!

Перед лицом двух королей Хогвартса даже Дамблдор не посмел возразить. Особенно когда Поппи перешла на полное имя. Увидев ужасающую реальность своими глазами, он почувствовал тяжелейший груз вины перед Джеймсом и Лили.

Поппи не шутила — никто не мог спорить с целителем в гневе. «Неужели мне действительно придется попроситься со сладостями?» — пронеслось в голове директора. Впрочем, состояние Гарри действительно пугало. Арабелла Фигг всегда говорила, что мальчику приходится несладко, но Дамблдор списывал это на обычную холодность между маглами и магом. Но забрать его в магический мир сейчас... не слишком ли это опрометчиво?

Видя, что Дамблдор молчит, мадам Помфри решила, что он всё еще сомневается. Гнев королевы Больничного крыла перешагнул все границы, магическое напряжение в комнате резко возросло.

— Альбус, даже не думай оставить его там. Иначе я сама усомнюсь, достоин ли ты звания директора! Мне плевать на твою политику и игры Ордена Феникса, но я никогда не забуду клятву, которую дала, вступая в эту должность. Хогвартс — это школа, а не Министерство Магии! Дети не инструменты для твоих «высших интересов»! Не смей меня злить. Ты знаешь, что месть Слизеринки — это не то, что ты сможешь пережить.

Бросив это почти открытое предупреждение, Поппи развернулась и так хлопнула дверью, что Фоукс едва не свалился с наместа.

Макгонагалл проводила её взглядом, чувствуя в душе странную смесь горечи и облегчения. Как декан и профессор, она не могла позволить Гарри страдать дальше. Лили и Джеймс были её любимыми учениками. Она помнила их живыми: яркую улыбку Лили, неисчерпаемую энергию Джеймса. Даже если их проказы доставляли ей головную боль, в них была искра молодости.

А их сын... восьмилетний мальчик выглядел как оболочка, из которой дементор выпил душу. Боль, стыд и раскаяние захлестнули Минерву. Она посмотрела на портреты на стенах: те активно перешептывались, и на лицах бывших директоров читалась непривычная суровость. Макгонагалл вдруг осознала: возможно, Дамблдор и впрямь потерял мудрость в сахарном сиропе, а она сама привыкла подчиняться слишком слепо.

— Альбус, Поппи права. Это Хогвартс. Ты — директор, я — декан. Мы не можем смотреть, как ребенок Лили и Джеймса медленно умирает, превращаясь в тень. Я знаю, ты печешься о мире, но нельзя строить его на муках ребенка. Гарри уже лишился родителей, его клеймо Спасителя еще возьмет свою цену в будущем. Прошу тебя, давай заберем его. Прошлые семь лет не вернуть, но хотя бы до одиннадцати лет дай ему пожить просто ребенком. Признай: по сравнению с тем, что он потерял, мы не дали ему даже крохи сострадания.

Встретившись с полным боли взглядом Минервы и увидев скрытую муку в пустых глазах Северуса, Дамблдор тяжело вздохнул.

— Хорошо. Я согласен с Поппи. Но будьте предельно осторожны, когда отправитесь за Гарри.

Северус и Минерва обменялись короткими взглядами. Оба увидели в глазах друг друга мрачное удовлетворение. Они развернулись, чтобы догнать мадам Помфри. Когда за ними закрылась дверь, портреты заговорили.

Армандо Диппет, предшественник Дамблдора, посмотрел на своего преемника со всей строгостью:

— Альбус, когда я назначал тебя, я верил, что твоих сил хватит, чтобы защитить каждого ребенка в этих стенах. Чтобы Хогвартс стал для них домом. Я не стану попрекать тебя прошлым, но искренне надеюсь, что ты больше не разочаруешь меня. Мы, портреты, лишены физической власти, но ради Хогвартса мы пойдём на всё. Помни, Альбус: Хогвартс — это прежде всего школа.

Глядя на суровые лица своих предшественников, Дамблдор погрузился в глубокое раздумье.

<http://bllate.org/book/17565/1700554>